

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.002

УДК 338.431:94(571)"18/19"

ББК 63.3(2)5-21

М.К. ЧУРКИН

**АГРАРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ АЗИАТСКОЙ РОССИИ
КАК МАКРОРЕГИОНА ВОДВОРЕНИЯ
МИГРАНТОВ В МЕМУАРАХ ЧИНОВНИКА
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ МВД
А.А. ТАТИЩЕВА**

M.K. CHURKIN

**AGRICULTURAL AND ECOLOGICAL
POTENTIAL OF ASIAN RUSSIA AS
A MACROREGION FOR MIGRANTS'
REPLACEMENT IN THE MEMOIRS
OF AN OFFICIAL OF THE RESETTLEMENT
DEPARTMENT OF THE MINISTRY
OF INTERIOR A.A. TATISHCHEV**

В статье, на материалах воспоминаний чиновника Переселенческого управления А.А. Татищева, выявляются аграрно-экологические возможности различных регионов Азиатской России в аспекте организации водворения и обустройства крестьян-переселенцев. Прослеживаются основные этапы профессиональной биографии имперского чиновника ведомства как имперского эксперта, выявляются подходы и практики, используемые специалистами в определении аграрно-экологических обстоятельств, благоприятствующих или препятствующих привлечению переселенческого контингента к образованию посёлков в тех или иных местностях обширного региона. Деконструкция мемуарного дискурса А.А. Татищева, произведённая с учётом «родовых» свойств источника позволяет установить ход, содержание и последовательность экспертных действий, обеспечивавших эффективность переселенческого дела на восточных окраинах, скорректировать шаблонные представления о переселенческой бюрократии как инертной массе российского чиновничества, переосмыслить результаты их работы в контексте рецепции колониционного потенциала Азиатской России в широком хронологическом и территориальном контекстах.

In the article, based on the materials of the memoirs of the official of the Resettlement Administration A.A. Tatishchev, identifies the agrarian and ecological capabilities of various regions of Asian Russia in the aspect of organizing the settlement and arrangement of resettled peasants. The main stages of the professional biography of the imperial official of the department as an imperial expert are traced, the approaches and practices used by specialists in determining the agrarian and environmental circumstances that favor or hinder the attraction of the migrant contingent to the formation of settlements in certain areas of the vast region are identified. Deconstruction of the memoir discourse of A.A. Tatishchev, made taking into account the «generic» properties of the source, allows us to establish the course, content and sequence of expert actions that ensured the effectiveness of the resettlement work on the eastern outskirts, to correct the stereotyped ideas about the resettlement bureaucracy as an inert mass of Russian officials, to rethink the results of their work in the context of the reception of the colonization potential of the Asian Russia in a broad chronological and territorial context.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А.А. Татищев, аграрно-экологическая экспертиза, Азиатская Россия, переселенческое движение, мемуары, Переселенческое управление

KEY WORDS: A.A. Tatishchev, agrarian and environmental expertise, Asian Russia, resettlement movement, memoirs, Resettlement Administration

ВВЕДЕНИЕ. Аграрное переселенческое движение на восточные окраины империи, развернувшееся после Великой реформы во второй половине XIX в., к началу XX столетия стало значительным фактом социально-экономической, политической и культурной реальности Российской империи. Во многом это было связано с созданием функциональной системы перемещения, водворения и обустройства лиц земледельческого сословия в губерниях и областях Азиатской России, что выражалось в предварительной оценке и последующей подготовке колонизационного фонда, финансового, технического и организационного сопровождения переселенческого дела специальным учреждением — Переселенческим управлением МВД, основанным в 1896 г.

В отечественной историографии факт создания и функционирования Переселенческого управления долгое время оценивался в сугубо технологическом ключе: в контексте организации крестьянских миграций из Европейской России и осуществления поддержки переселенцев по пути следования к местам проживания, а также кредитования переселенческих хозяйств в районах обустройства [3]; [8]; [12]. Вне исследовательской «оптики» располагались вопросы, связанные с пониманием своих задач представителями переселенческой бюрократии, социокультурной и профессиональной идентичности сообщества чиновников учреждения, по своей структуре и организационной модели, приблизившегося в начале XX в. к министерствам колоний в европейских государствах. Как пишет В. Сандерленд: «К 1910-м годам напористые чиновники Переселенческого управления, весьма сведущие в области международного колониального управления, уже активно убеждали своё начальство предпринять последний шаг к созданию полноценного колониального ведомства по примеру немцев или англичан...» [11, с. 108]. По констатации А.В. Ремнёва Переселенческое управление могло с наибольшим основанием претендовать на роль протоминистерства, но, очевидно, не колоний, а колонизации [9, с. 170].

Изменившийся в начале XXI века вектор историографического дискурса позволяет говорить о формировании на рубеже XIX–XX вв. иной, нежели в пореформенное двадцатилетие модели организации переселенческого дела, в котором стало прослеживаться стремление к разработке научного подхода к колонизационным мероприятиям, что предполагало широкий спектр экспертных исследований, предварявших практическую деятельность по переселению крестьян. Становилось очевидным, что отдельных оценочных суждений и мнений в отношении колонизационного потенциала азиатской периферии империи, представленных в трудах видных экономистов конца XIX — начала XX вв., в том числе и в аспекте аграрно-экологических условий мест предполагаемого водворения мигрантов явно недостаточно для понимания многочисленных нюансов и тонкостей процесса земледельческой колонизации окраин [1]; [2]; [4]; [5]. В ситуации прироста переселений, в экспертную работу активно включались чиновники переселенческого ведомства, совершавшие регулярные командировки в районы предстоящего вселения мигрантов, участвовавшие в разведывательных геологических, гидрографических, ботанических экспедициях и, нередко, предпринимавшие частные поездки для ознакомления со свободными землями, составлявшими колонизационный фонд империи на востоке.

К числу таких «агентов» переселенческого ведомства принадлежал А.А. Татищев, чиновник Переселенческого управления, прошедший путь от младшего служащего до помощника начальника учреждения и принимавший непосредственное участие в колонизационном деле на Дальнем Востоке, в Степном крае, Туркестане. В воспоминаниях А.А. Татищева

отражены не только основные этапы его службы в переселенческом ведомстве, но и рельефно прослеживается вклад переселенческой бюрократии в научную экспертизу аграрно-экологической среды регионов, планируемых к заселению российским крестьянством. Свидетельства и размышления, представленные Татищевым, позволяют предполагать, что наблюдения и выводы, впоследствии включаемые чиновниками в отчёты, имели первостепенное значение в деле планирования и реализации переселенческих мероприятий в губерниях и областях Азиатской России, способствовали конкретизации сведений об аграрно-экологических возможностях территорий водворения мигрантов.

Таким образом, осмысление персонального опыта чиновника Переселенческого управления А.А. Татищева, ориентированного на раскрытие аграрно-экологической ситуации в различных зонах реализации имперских колонизационных интересов, является **ЦЕЛЬЮ** исследования и представляется актуальным в научном плане, поскольку может способствовать приращению нового научного знания в сфере организации экспертной работы в рамках переселенческого дела и перемещению акцентов от изучения внешних сторон деятельности российской бюрократии к структурным элементам функционирования сообщества в осуществлении программы колонизации восточных окраин империи.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Основным источником настоящей статьи выступают воспоминания чиновника А.А. Татищева о его службе в Переселенческом управлении в 1906–1917 гг. [13], обращение к которым открывает научно-исследовательскую перспективу уточнения и приращения информации о сюжетах исторической реальности, связанных с рецепцией автором текущей ситуации в переселенческом деле и практиках экспертизы колонизационного фонда восточных окраин империи. Не менее существенным представляется и возможность раскрытия внутреннего мира, «человеческой составляющей» государственного чиновника «второго эшелона» российской бюрократии, его коммуникативных связей и отношений в контексте профессиональной деятельности в сфере исследования аграрно-экологических условий территорий потенциального размещения переселенцев.

Традиционные претензии в субъективности и неточности сведений, предъявляемые к источникам подобного рода, опровергают сегодня многие исследователи. Н.П. Матханова, и это важно для данной статьи, пишет: «Вообще точное воспроизведение событий через несколько лет после того, как они произошли, вряд ли возможно...Человеку свойственно запоминать не столько само событие, сколько своё восприятие его...» [6, с. 17]. Полагаем, что отсроченная рефлексия своей продолжительной службы в Переселенческом управлении, представленная в воспоминаниях А.А. Татищева, в сопоставлении с аналогичными текстами, не вошедшими в круг источников данного исследования, но учитываемых при постановке проблемы и формулировании выводов [10], позволяет обнаружить системность, взвешенность и квалифицированность суждений автора мемуаров, значительно повышая уровень доверия к тексту.

В этой связи, применяемый в статье метод деконструкции дискурса мемуарного текста, предполагающий обнаружение тематически связанных фрагментов, формирующих единое «концептуальное пространство» [7], во многом способен раскрыть логику выполнения чиновничеством своих профессиональных обязанностей и способы решения актуальных задач переселенческого дела в различных регионах Азиатской России.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. Представления правительственной бюрократии, к когорте которой принадлежал чиновник Министерства земледелия А.А. Татищев, о возможностях включения в ареал землепользования новых территорий на востоке империи, формировались в нескольких коммуникативных контекстах. Во-первых, в рамках функционирования Переселенческого управления МВД, учреждённого 1896 г. с целью проведения специализированной экспертизы колонизационного фонда, необходимого для водворения и обустройства крестьян-переселенцев из европейских губерний России, а также разра-

ботки финансовых и организационных мер поддержки переселенческого движения, ставшего знаменательным сюжетом российской социально-экономической и социокультурной действительности во второй половине XIX в. Во-вторых, в системе координат постоянного сообщения с региональным чиновничеством от высших страт российской бюрократии (генерал-губернаторы) до средних и мелких служащих, так или иначе инкорпорированных в переселенческое дело в широких географических границах. Следует иметь в виду, что широкий ареал колонизации, охвативший к концу XIX — началу XX вв. практически всё Зауралье от мест первоначального расселения и освоения (Тобольская, Томская губернии) до Дальнего Востока и Степного края к Туркестану, предполагал постоянную ротацию переселенческих чиновников и регулярные командировки из одних районов в другие, что значительно раздвигало границы коммуникативного взаимодействия ведомственной бюрократии. Так, А.А. Татищев за годы своей службы в Переселенческом управлении (1906–1916) выполнял различные поручения в Степном крае, на Кавказе, Дальнем Востоке, в Центральной Азии, часто в течении одного года перемещаясь между переселенческими районами [13, с. 374]. В-третьих, в ситуации взаимодействия на местах как с крестьянским переселенческим элементом, так и с коренным населением, чьи земельные участки в связи с наплывом мигрантов подвергались систематическому секвестированию и требовали от переселенческих чиновников активного включения в урегулирование конфликтных ситуаций.

Весьма существенным видится общий атмосферный фон деятельности Переселенческого управления в начале XX в., поскольку интенсификация экспертной работы в отношении свободных земель за Уралом с 1906 г. явилась прямым следствием перемен в колонизационном вопросе в сторону предоставления права аграрных переселений широкому кругу представителей крестьянского сословия независимо от состояния их хозяйства в Европейской России. Поворотным пунктом стали решения, принятые на очередном Переселенческом съезде, состоявшемся в Харькове в 1906 г. по инициативе малороссийских земств, по итогам которого была утверждена резолюция «оставлявшая необходимый простор для переселения в Сибирь всех туда стремящихся земледельцев» [13, с. 50].

По свидетельству А.А. Татищева, в 1908 г. было организовано порядка 20 экспедиций в различные части Азиатской России, предполагаемые к заселению землепашцами, при этом особо акцентировалось внимание на экспертных задачах экспедиционных работ, что выразилось в привлечении к ним представителей различных отраслей агрономической науки — почвоведов, ботаников, гидрографов, геологов [13, с. 54]. Комментируя подобный подход властей к проведению экспертизы колонизационного фонда, и отмечая его продуктивность, Татищев констатировал: «Обследование незаселённых пространств...возлагалось в предыдущие годы на старших чинов переселенческих землеотводных партий, и бывали случаи, когда производители работ намечали по неопытности под заселение земли, непригодные для земледелия — солончаковые почвы в степной полосе Сибири и Степного края» [13, с. 53].

Первая значительная экспедиция под эгидой Переселенческого управления, в которой принял участие А.А. Татищев, была организована с целью исследования территорий Дальнего Востока (бассейн реки Амур), пригодных для заселения крестьянами. Назначение Татищева членом экспедиционной партии носило во многом частный характер, а задачи, стоявшие перед ним, были сформулированы его непосредственным начальником Г.В. Глинкой: «Знаете, Алексей Алексеевич, поезжайте просто, не мудрствуя лукаво, и посмотрите, действительно ли там сплошное болото или нет? И возвращайтесь честно рассказать, что там увидите» [13, с. 55].

Экспертиза аграрно-экологической ситуации в районе предполагаемого водворения, по признанию А.А. Татищева, базировалась на предположении, согласно с которым заселение новых территорий происходит постепенно, при этом отправной точкой является

уже освоенное мигрантами пространство [13, с. 60]. Татищев отметил немногочисленность таких заселённых мест в Амурской области, подчеркнув, ссылаясь на выводы почвоведов, низкое качество земель за пределами освоенных территорий, которые специалисты маркировали как «сырую степь II класса», расшифровывая данное обтекаемое определение следующим образом: из 3 десятин земли к сельскохозяйственной обработке пригодна только 1 десятина [13, с. 60].

Следует сказать, что специфика поручения, данного А.А. Татищеву, изначально ставила эксперта в условия максимально предметного и критического подхода к вскрытию и описанию аграрно-экологической обстановки в Приамурье. Во многом поэтому, на страницах воспоминаний, чиновник детально обосновывает логику своих действий и последовательность выводов. Татищев, в предварительных умозаключениях отталкивался от исторической практики колонизации региона, подчеркнув, что первыми поселенцами Приамурья стали казаки и молокане, образовавшие здесь ранние «полосы» поселенческой сети, располагавшейся на лёссовых низменных участках, прилегающих к Амуру, что во многом обеспечило экономический успех первопроходцев и способствовало широкому распространению слухов о благодатном крае [13, с. 65]. Вместе с тем, по утверждению эксперта, по мере продвижения к северу эти земли «делались более сырыми, с глинистой подпочвой, более трудными для разработки и менее благодарными в смысле урожайности» [13, с. 65]. Перемещение экспедиционеров вглубь территории Приамурья, во многом подтвердило опасения руководителя управления Г.В. Глинки: действительно большая часть пространства вдоль линии железной дороги оказалась сильно заболоченной, пригодные для распашки участки распространялись на большом расстоянии друг от друга «островами» и требовали серьёзных усилий и агрономических навыков от земледельца [13, с. 69]. Подробное ознакомление с организацией земледелия в Приамурье, предпринятое в ходе экспедиции 1911 г. и детально описанное в мемуарах Татищева, позволило не только обозначить, но и систематизировать комплекс аграрно-экологических проблем региона, настраивавших практиков переселенческого дела на осторожность и избирательность в подходах к деятельности по заселению Дальнего Востока. Среди главных проблем А.А. Татищев обозначил масштабность земельных наделов (большинство сёл занимали участки размером от 6 000 до 10 000 десятин), сосредоточенных в непосредственной близости к речным артериям и недоступность многих пригодных для распашки земель вследствие отсутствия путей сообщения и большого количества болотистых местностей. Последнее обстоятельство, наряду с таким явлением как морские туманы, существенно корректировали набор сельскохозяйственных культур (пшеница и ячмень произрастали плохо) и пагубно отражались на здоровье населения (цинга) [13, с. 108–109].

В целом, проведённая А.А. Татищевым совместно с другими чиновниками Переселенческого управления аграрно-экологическая экспертиза свободных земель Амурской области имела далеко идущие последствия, поскольку наряду с решением проблем обустройства и инфраструктурной доступности мест компактного оседания мигрантов был урегулирован один из главных вопросов колонизации Дальнего Востока: чьими силами будет осваиваться регион? Опираясь на отчёт А.А. Татищева, уже в Петербурге был кардинально переосмыслен принцип выбора основного субъекта колонизации дальневосточных земель и преодолена устоявшаяся ещё в 1890-х гг. порочная практика наделения свободными землями Приамурья служилых людей Сибирского казачьего войска, а также отработаны механизмы привлечения в этот район профессиональных землепашцев [13, с. 76].

Следующий этап экспертной деятельности А.А. Татищева оказался связан с регулярными поездками в Туркестанский край (официальное название с 1873 г.). Резкое изменение командировочного вектора являлось достаточно типичным в системе функционирования Переселенческого управления и было, как правило, связано с обстоятельствами ротации

чиновников ведомства и актуализацией переселенческих задач в том или ином регионе. После денонсации в 1911 г. торгового договора между Россией и США, развитие в Туркестане хлопководства было объявлено государственной задачей, а Татищев назначен начальником Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ, заменив на этом посту А.В. Успенского [13, с. 147]. Стоит отметить, что при назначении чиновников Переселенческого управления учитывался и такой фактор как предварительное знакомство с местом работы. А.А. Татищев ещё в 1910 г. совершил частную поездку в Туркестан, которая оказалась возможна, по его словам, «в виду снижения делопроизводительной активности в канцелярии Дальнего Востока» [13, с. 87]. Показательно, что первая поездка Татищева в Туркестанский край началась с посещения Муганской степи на Кавказе, где уже широко распространились практики искусственного орошения, взятые впоследствии за основу в хлопководческом производстве Центральной Азии. Несмотря на то, что в колонизации Туркестана доминировали задачи военного закрепления в регионе и развития хлопководческой отрасли, для чиновников Переселенческого управления вопросы водворения крестьянства из Европейской России и развития практик земледелия продолжали оставаться актуальными. Даже удручающее впечатление, сложившееся у чиновника ведомства от знакомства с «абсолютно гладкой как стол степью» по линии Средне-Азиатской железной дороги, не удержало его от констатации очевидного: большого запаса годных для земледелия площадей в Закаспийской области [13, с. 89]. При этом, А.А. Татищев отмечал, что часть пригодных земель не может быть введена в сельскохозяйственный оборот из-за отсутствия рациональной системы использования речной воды в периоды паводков, которая в период таяния снегов в горах пропадала бесследно, отсутствия достаточного количества водохранилищ и быстрого их заиливания, что неуклонно приводило к забрасыванию обработанных земель и разработке нови [13, с. 90].

Неоценимый опыт экспертизы аграрно-экологического потенциала регионов Азиатской России был приобретён А.А. Татищевым в ходе первой поездки в Туркестан, при знакомстве с частными инновационными практиками организации земледелия вдоль линии железной дороги. В одном из мемуарных сюжетов Татищев детально повествует об инициативе проведения оросительных каналов в Голодную степь опальным великим князем Николаем Константиновичем, который на личные средства способствовал образованию нескольких русских посёлков в пойменной части р. Сырдарьи (13, с. 92). Ценность таких инициатив, по мнению автора, заключалась в том, что впоследствии, образованные таким образом посёлки включались в общегосударственные проекты земледельческой колонизации Туркестана [13, с. 92]. Также Татищевым, при поддержке представителей Переселенческого управления на местах, была совершена поездка в Чимган, где он смог оценить и отразить в последующих отчётах усилия местного лесничего, устраивавшего искусственные заграждения от селевых потоков [13, с. 94].

Заняв пост начальника Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ А.А. Татищев, в своей экспертной деятельности, возобновлённой в 1913 гг., опирался на ранее приобретённый опыт, ориентированный на решение одной из системных задач колонизации — создания в регионе благоприятных условия для проведения переселенческого дела, что было невозможным без учёта местных аграрно-экологических условий и разработки основных сфер деятельности переселенческого ведомства.

Так, А.А. Татищев, к основным мерам, сопутствовавшим водворению и обустройству переселенцев в Туркестанском крае относил лесоустроительную и пескоукрепительную деятельность в сочетании с организацией опытных станций и регулярными гидротехническими изысканиями [13, с. 153–154].

Специальной областью аграрно-экологической экспертизы территорий реального и предполагаемого расселения крестьян вдоль линии Средне-Азиатской железной дороги яв-

лялись исследования метеорологического характера. Сбор сведений о температуре и её распределении по сезонам года на постоянной основе, позволял определять круг сельскохозяйственных культур и формулировать конкретные рекомендации по их внедрению. Так, в результате многолетних наблюдений, было установлено, что в районе Ташкента в осенне-зимний и ранне-весенний периоды температура опускалась ниже нуля градусов практически ежегодно, что не позволяло «культивировать апельсиновые деревья, при этом летняя жара давала возможность повсеместно сеять хлопок, требовавший большого числа солнечных дней и малого количества осадков» [13, с. 161].

Отмечая важность изучения климатических условий Туркестана как региона аграрной колонизации, а также накопления и распространения опытных хозяйств, особое внимание в экспертной работе А.А. Татищева как представителя Переселенческого управления отводилось проектам и практикам орошения в районах, отводимых в текущий момент под организацию переселенческих хозяйств. В 1913–1914 гг. эпицентр аграрной колонизации Туркестанского края сместился к пространствам Голодной степи, расположенной на левобережье Сырдарьи, где перед Первой мировой войной было начато сооружение оросительных каналов и, по утверждению Татищева, предполагалось заселение «исключительно коренным русским людом» [13, с. 146]. Концентрация на задачах переселенческого движения позволила А.А. Татищеву как эксперту выделить наиболее проблемные сюжеты гидротехнической работы в колонизируемом районе Голодной степи, объективно являвшейся частью аграрной и переселенческой политики.

Во-первых, Татищев обратил внимание на то, что проект орошения, разработанный инженером Ф.Ф. Толмачёвым, предполагавший орошение 45 тыс. десятин удобной для заселения мигрантами земли, по сути перерезал старую оросительную систему, построенную великим князем Николаем Константиновичем ещё в начале 1890-х гг., в результате чего значительная доля воды уходила на орошение старожильческих земель, снижая тем самым прибыльность хозяйств переселенцев. На практике, по свидетельству А.А. Татищева, выходило, что старожилы на землях великого князя получали воду даром, тогда как переселенцы должны были выкупить стоимость оросительных сооружений, проектная стоимость которых составляла 165 рублей с десятины [13, с. 163].

Во-вторых, по мнению Татищева, при организации орошения Голодной степи с одновременным заселением переселенческим элементом, не следовало копировать опыт подобных мероприятий в Муганской степи на Кавказе. Эксперт в своих мемуарах детально пояснял, что слепое перенесение практик орошения, используемых на Кавказе в районы Туркестана привело к существенному перерасходу финансов и дало малый экономический эффект, поскольку кавказский проект реализовывался сравнительно дешёвым трудом «туземного» населения, с использованием недорогого оборудования и путём массового «залива» обширных площадей, что позволяло добиться нужного баланса между вложениями и доходами от выращенного хлопка [13, с. 164]. Между тем, в ситуации начавшегося водворения переселенцев на свободные земли Голодной степи, значительная доля затрат на орошение участков возлагалась на самих крестьян, при этом, высокие урожаи хлопка обеспечивались только большими объёмами воды, что влекло за собой подъём подпочвенных солей и снижение урожайности в последующие годы [13, с. 166].

В-третьих, как отмечал А.А. Татищев, преодолению трудностей в реализации «голоднотепского» оросительного проекта препятствовала логика крестьянского мышления. Продуктивные идеи преодоления засоленности почв посредством их дренажа или расширения посевов люцерны встречали резко негативное неприятие со стороны земледельцев, говоривших: «Да какой же дурак, Ваше превосходительство, пойдёт на дело, где можно заработать 5 процентов на свои деньги, когда на хлопке всякий посредник может заработать 50 процентов на чужих деньгах» [13, с. 168].

Несмотря на неудачи в организации переселенческого дела в Туркестане, результаты аграрно-экологической экспертизы различных территорий региона позволили составить определённое представление о возможностях их сельскохозяйственного освоения, а также, как заключал Татищев, поднять общий уровень благосостояния населения [13, с. 178].

Важнейшим нюансом экспертной деятельности чиновников переселенческого ведомства являлось определение специализации подведомственных районов, выстраивание гибкой политики их заселения, что ориентировало на изучение земледельческих инициатив населения. Описывая свою деловую поездку в Закаспийскую область и Фергану в должности начальника Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ, А.А. Татищев, обратил внимание на ряд агрикультурных практик местного крестьянства, считая полезным их дальнейшее распространение. В частности, по его наблюдению, в некоторых районах Закаспийской области, российские переселенцы производили посевы озимой пшеницы, используя редкие зимние дожди, а также включали в пашенный оборот фрагменты участков, не получавших орошения (на всякий случай), что в отдельные годы увеличивало урожайность [13, с. 173].

Двигаясь через Кургатскую долину, Татищев дал подробное описание мелких хозяйств с «богарными» (неполивными) посевами в виду достаточного количества осадков, что явилось поводом к организации переселенческих посёлков хуторского типа в 1913–1915 гг. [13, с. 176]. В районе верхнего течения Амударьи, в непосредственной близости к Бухаре, где возникло несколько поселений переселенцев, А.А. Татищев отмечал успешную деятельность местных агрономов в деле организации борьбы с афганской саранчой и создания опытно-показательных хозяйств, специализировавшихся на выращивании зерновых культур в сложных природно-климатических условиях Туркестанского края [13, с. 215].

ВЫВОДЫ. В целом, можно констатировать, что мемуары переселенческих чиновников, в том числе одного из видных деятелей аграрной колонизации азиатской периферии России, чиновника переселенческого ведомства А.А. Татищева, являются ценным источником конструирования формата и содержательных аспектов работы сообщества имперских экспертов второй половины XIX — начала XX вв. Последовательная деконструкция дискурса воспоминаний Татищева, позволяющая, учитывая родовые особенности такого вида источников (разнесённость во времени событий и их описания, возрастных изменений, предельно субъективных оценок), воспринимать материал как свидетельство непосредственного участника событий, включённого в круг профессиональной коммуникации с другими персонажами переселенческого дела в исследуемый период, проследить логику и последовательность мероприятий, направленных на встраивание восточных окраин государства в общеимперский организм. В этой работе важная функция отводилась аграрно-экологической экспертизе различных территорий Азиатской России как региона водворения и обустройства переселенцев, что являлось элементом колонизационной политики империи. Материалы воспоминаний А.А. Татищева позволяют преодолеть трафаретные представления о переселенческой бюрократии пореформенной эпохи как костной и инертной массе российских чиновников, слабо связанных с реальностью и переосмыслить результаты их профессиональной деятельности в сфере рецепции аграрно-колонизационного потенциала Азиатской России в широком территориальном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бар Ф. Коренное преобразование крестьянского хозяйства и общинного землевладения. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1894. 128 с.
2. Воронцов В.П. Очерки крестьянского хозяйства. СПб.: тип. Альтшулера, 1911. 270 с.
3. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). Новосибирск: Изд-во НГУ, 1976. 342 с.

4. Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб.: А.Ф. Цинзерлинг, 1891. 192 с.
5. Кауфман А.А. К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений. М.: Тип. А.А. Мамонтова, 1898. 49 с.
6. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
7. Миньяр-Белоручева А. П. Типология исторического дискурса // Язык и текст. 2015. Том 2. № 2. С. 8–16.
8. Ноздрин Г.А. Государственная и общественная помощь переселенцам в Сибири в конце XIX — начала XX в. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв.: Материалы междунар. науч. конф., 19–21 марта 1996 г. / Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т истории и др. Новосибирск: Б. и., 1996. С. 124–126.
9. Ремнёв А.В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний — русский «Sonderweg»? // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 150–182.
10. Романов В.Ф. Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. СПб.: Нестор-История, 2012. 336 с.
11. Сандерленд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 105–150.
12. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 588 с.
13. Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Русский путь, 2001. 376 с.

REFERENCES

1. Bar F. *Korennoe preobrazovanie krest'yanskogo hozyajstva i obshchinnogo zemlevladieniya* [Radical transformation of peasant farming and communal land tenure]. M.: T-vo tip. A.I. Mamontova, 1894. 128 s. (In Russian).
2. Voroncov V.P. *Ocherki krest'yanskogo hozyajstva* [Sketches of peasant farming]. SPb.: tip. Al'tshulera, 1911. 270 s. (In Russian).
3. Goryushkin L.M. *Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917)* [Agrarian relations in Siberia during the period of imperialism (1900–1917)]. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1976. 342 s. (In Russian).
4. Isaev A.A. *Pereseleniya v russkom narodnom hozyajstve* [Migration in the Russian national economy]. SPb.: A.F. Cinzerling, 1891. 192 s. (In Russian).
5. Kaufman A.A. *K voprosu o prichinakh i veroyatnoy budushchnosti russkikh pereselenij* [To the question of the causes and probable future of Russian migrations]. M.: Tip. A.A. Mamontova, 1898. 49 s. (In Russian).
6. Mathanova N.P. *Sibirskaya memuaristika XIX veka* [Siberian memoirs of the 19th century]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2010. 551 s. (In Russian).
7. Min'yar-Beloruicheva A. P. *Tipologiya istoricheskogo diskursa* [Typology of historical discourse] // Yazyk i tekst. 2015. Part 2. No 2. S. 8–16. (In Russian).
8. Nozdrin G.A. *Gosudarstvennaya i obshchestvennaya pomoshch' pereselencam v Sibiri v konce XIX — nachala XIX v.* [State and public assistance to immigrants in Siberia at the end of the 19th — beginning of the 20th century] // Narodonaselencheskie processy v regional'noj strukture Rossii XVIII–XX vv.: Materialy mezhdunar. nauch. konf., 19–21 marta 1996 g. / Ros. akad. nauk. Sib. otd-nie. In-t istorii i dr. Novosibirsk: B. i., 1996. S.124–126. (In Russian).
9. Remnyov A.V. *Rossiyskaya vlast' v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: kolonializm bez ministerstva kolonij — russkij «Sonderweg»?* [Russian power in Siberia and the Far East: colonialism without the Ministry of

- Colonies — Russian «Sonderweg»?] // Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917): Sb. st. / Red. Martin Aust, Rikarda Vul'pius, Aleksej Miller. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 150–182. (In Russian).
10. Romanov V.F. *Starorezhimnyj chinovnik. Iz lichnyh vospominanij ot shkoly do emigracii, 1874–1920 gg.* [Old regime official. From personal memories from school to emigration, 1874–1920]. SPb.: Nestor-Istoriya, 2012. 336 s. (In Russian).
 11. Sanderlend V. *Ministerstvo Aziatskoj Rossii: nikogda ne sushchestvovavshee, no imevshee dlya etogo vse shansy kolonial'noe vedomstvo* [Ministry of Asian Russia: a colonial department that never existed, but had every chance for this] // Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917): Sb. st. / Red. Martin Aust, Rikarda Vul'pius, Aleksej Miller. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S.105–150. (In Russian).
 12. Sklyarov L.F. *Pereselenie i zemleustrojstvo v Sibiri v gody stolypinskoj agrarnoj reform* [Resettlement and land management in Siberia during the years of the Stolypin agrarian reform]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1962. 588 s. (In Russian).
 13. Tatishchev A.A. *Zemli i lyudi. V gushche pereselencheskogo dvizheniya (1906–1921)* [Lands and people. In the thick of the resettlement movement (1906–1921)]. M.: Russkij put', 2001. 376 s. (In Russian).